

Елена АФАНАСЬЕВА

Лет двадцать назад на заре популярности телеигры ее первые зрители любили в шутку обыгрывать название, продолжая ряд вопросов материальным «почем?». Тогда вся знатковская меркантильность исчерпывалась хорошими книгами. Впрочем, по тем временам и это было весьма круто, хороших книг было не достать. Помню, моя тетя, любя передачу, отказывалась ее смотреть, дабы не завидовать тем, кому книги эти достаются.

Время изменилось, телеигра удержалась на плаву популярности, а значит, и в сетке вещания. Но при этом потеряла в былой шутке долю шутки. По мере все более поступательного движения страны сначала «в рынок», а теперь не известно куда, но в место весьма не дешевое, «почем?» затмило и «что?», и «где?», и «когда?».

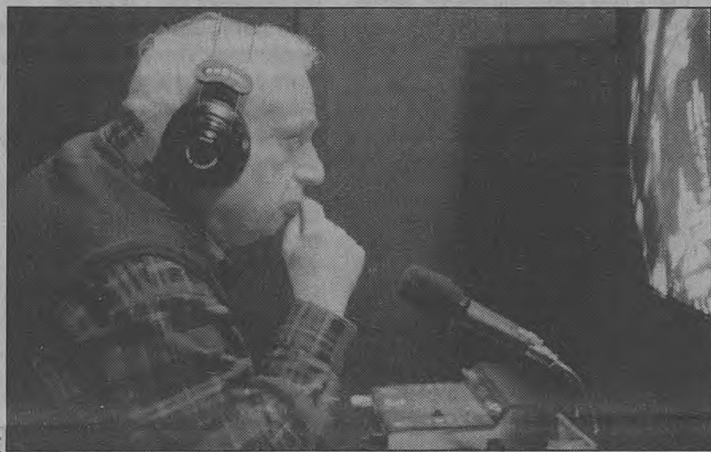
Прежде на другое утро после эфира вся страна обсуждала вопросы и ответы. «Ты видел, видел, как Бялко вчера!», «А Нурали Латыпов-то как отгадал! И Друзь сразу, даже без минуты обсуждения!»... Нынче в памяти все больше остается непрерывное выкрикивание суммы ставок и размеры выигрышей. «Тридцать пять штук новыми за один вопрос — это круто!» (не знаю, стоит ли в свете грозящего нового 20-процентного налогообложения всех видов доходов лишних раз уточнять фамилию их обладателя).

Прежде единственный на всем советском телевидении ведущий, тающий за кадром, придумывал все новые и новые усложнения правил, дабы не дать любимой игре засохнуть. Так рождались черный ящик, блицы и суперблицы, безжалостное устранение из клуба проигравших знатоков, сезонные минуты и другие детали, ставшие фирменными знаками игры. Ныне обложенному во фрак и титулом крупье Ворошилову приходится придумывать все новые и новые увертки, как бы дать знатокам и клубу их же с ними заработать. И появляются бесконечные бержеракиссалаи-рекорды. И не разберешь, что имя, что фирма — настаивают, чтобы Ворошилов пояснил в эфире. Но, главное, что принародно достают из широкой штанин и модных портфелей пачки денег, именно из-за принародности доставания, делая себе широкую дешевую рекламу, сильно экономя на рекламе официальной.

Как человек далекий от рекламных структур телевидения не знаю, можно ли зачислить все происходящее во время эфиров «элитарного клуба» в разряд так называемой джинсы — скрытой рекламы — или в разряд официального спонсорства. Но то, что несколькими юношам со взором горящим многократное упоминание собственной фирмы-фамилии обходится много дешевле, чем минута обычной рекламы, очевидно. По просеившимся в прессу данным, минута рекламы на ОРТ в «Поле чудес» — 58 тысяч долларов. У «Что? Где? Когда?» интеллектуальный уровень повыше — значит, рейтинг ниже, но тысяч 35 — 40 долларов набралось бы. Поэтому не очень понятен вздох счастливого измления всех при-

Что? Где? Когда? И... почему?

Хвала безумцам, выходящим в эфир уже четверть века и собирающим обширную телеаудиторию субботнего вечера, несмотря на все садово-огороднические дела! На этом хвалу на сегодня закончим и поговорим о менее приятном.



Мэтр за работой

сутствующих в студии, когда один из молодых-богатых ставит на кон 25 тысяч новых рублей (для тех, что разучился делить на 6,2, — это чуть больше 4 тысяч долларов). Он-то за свои деньги получает раз в 10 больше, чем оплачено.

Игра прежняя была хороша своей непредсказуемостью. Вся страна болела за знатоков, хоть и относилась к разряду телезрителей. Никто не мог предсказать, чем все это закончится. Игра нынешняя, несмотря на тотализатор посетителей дорогого казино, предсказуема до неприличия. И при этом уже не важно, выиграют или проигрывают знатоки. Понятно, что новое время диктует новые законы, и выжить в течение четверти века можно только под это время подстраиваясь. Понятно, что в интеллектуальной касте за долгие годы выявились свои лидеры, обихать коих не пристало. Понятно, что «знатоцизм» стал профессией, и интеллектуалам надо дать заработать. Но разве столь уж обязательно делать это на наших, телевизорских глазах?

Раньше Ворошилов перестал бы быть Ворошиловым, намекни он хоть интонацией на правильный ответ. Страна злилась на таинственный и зловещий голос за кадром, обихающий всенародно любимых знатоков. В те времена Ворошилов часто перегибал палку в другую сторону. Хороший режиссер, он часто играл роль плохого судьи, придираясь к почти правильному, но не точно сформулированному ответу, дабы, отобрав у знатоков лишнее очко, еще больше обострить интригу игры. Нынче хороший финансист Ворошилов снова играет роль плохого судьи, подсуживающего уже

«нашим», дабы не дать им проиграть и потерять заработанные деньги. Сколько раз за последние сезоны Владимир Яковлевич, видя, что родимые чада не нашли правильный ответ за отпущенную им минуту, повторяет вопрос тоном учителя, спрашивающего: «Сколько лет длилась Столетняя война?», допуская слова и фразы, не содержавшиеся в первоначальной формулировке вопроса. После финального вопроса про синюю птицу финальной игры этой летней серии Ворошилов и сам признался: мол, нет мне прощения за подсказку, но никаких последствий, кроме радостного смеха в студии, это не вызвало.

Но не все завязано на деньгах. Человеческие привязанности играют не последнюю роль. Как-то в интервью Ворошилов признался, что переживает после неудачной игры. «Друзь сегодня проиграл, опять меня мама (не Друзя, а самого Ворошилова. — Е. А.) будет ругать!». Не знаю, ругала ли мама Владимира Яковлевича после последней отборочной игры, когда стараниями одного из молодых-богатых, не пожелавшего удешевить ставку, Александр Друзь в финал не попал. Но неделю спустя выход был найден. Крупье объявил, что состав финальной шестерки может меняться по ходу игры, если выпадет ставка кого-то из знатоков в зале и будет им выиграна. И тут же, против обыкновения, стал вне очереди принимать ставки не играющих знатоков, а стоявшего за их спинами Друзя. Протесты сидящего за столом Сергея Виватенку в расчет не принимались. Друзь накрыл весь стол, выиграл недостающие

ему 10 тысяч и, вытеснив с трудом скрывавшего злость молодого игрока, сел в кресло. Стоит ли говорить, что после этого раунда ни одному из стоящих за спинами, включая вытесненного, не удалось сделать ставку, прежде чем поставят сидящие в креслах знатоки. Других любимчиков мамы Владимира Яковлевича среди неудачников финала не нашлось.

Эту особенность финальной игры летней серии нынешнего года я подметила отнюдь не из желания чем-то задеть г-на Друзя. Напротив, мои зрительские симпатии всецело на стороне этого игрока звездного класса, чей телеобраз вполне можно считать одним из интеллектуальных символов нашего телевидения. Но и мои болельщические симпатии три футбольных чемпионата мира назад тоже были всецело на стороне звездного игрока Марадоны, что не сделало гол, забитый им рукой, более честным. Это так, к слову, ассоциация, случайно навеянная нынешней футбольной экспансией.

Прежде лучшего игрока сезона определяли сами знатоки — выбирали лучшего среди равных. Позже за них это стали делать суммы денег, заработанные игроками финала не без помощи капризного случая. В этот раз ничего даже похожего на относительную объективность или случайность не наблюдалось. Лучший снова определялся выигранными тысячами, но выиграть их можно было только с помощью молодых-богатых. Хотят — увеличат призовой фонд вопроса в десять раз, хотят — в пятьдесят, хотят — оставят без изменений. Вопрос, ставка в котором была умножена на 50, сделал фаворитом сезона Георгий Жаркова. Три или четыре выигранных вопроса (куда уж больше интеллекта и везения в одной игре!), но без такого астрономического умножения оставили Сергея Виватенку без морально и материально ощутимого первенства. Нынче лучшего определил человек с чемоданом денег.

«Добро пожаловать в интеллектуальное казино — единственное



место, где каждый может заработать деньги своим собственным умом!», — провозглашает новый слоган «Что? Где? Когда?» Ворошилов. Почему так самодовольно — «единственное»? Разве не своим умом зарабатывают деньги люди сотен и тысяч умственных профессий?! Только делают они это не в прямом эфире, и за них не переживают мама г-на Ворошилова и человек с чемоданом денег.